

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2310-712X-2018-2-181-189

ЭМОТИВНЫЙ МОДУС ФРАНЦУЗСКИХ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В ДНЕВНИКОВОМ ДИСКУРСЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

Пугачева Е.Ю.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается способность отрезков со сменным субъектом речи передавать эмотивное состояние пишущего. Автор приходит к выводу, что переключение кодов с одной языковой системы на другую заметно повышает эмотивность и смысловую содержательность текста. Именно с позиций дискурсного анализа, характеризующегося функционально-деятельностным и антропологическим подходами и учитывающего экстралингвистические факторы, автору удаётся найти достойный ключ к пониманию дневникового наследия Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентность, интертекстуальные вкрапления, цитата, аллюзия, реминисценция, глубинный смысл.

THE EMOTIVE MODUS OF FRENCH INTERTEXTUAL INCLUSIONS IN THE DIARY HERITAGE OF L.N. TOLSTOY

E. Pugacheva

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article analyses the ability of the texts with a formally different subject of speech to render the emotive state of the author. The author concludes, that the shift of language codes from one system to another significantly increases the emotiveness and content capacity of the text. That's due to discursive analyses, characterized by functional and anthropological approaches that the author finds the clue to understanding the text.

Key words: intertextuality, precedent, intertextual inclusions, quotation, allusion, reminiscences, innermost sense.

Известно, что никакой аспект текста не появляется в нём бесцельно, будь то собственно слова автора или выдержки текстов иной языковой личности. В случае со сменным субъектом речи проявляется многослойность текстовой структуры, её нелинейный характер, поскольку лексические единицы, отражающие эмоции, мотивации и интенции в принимающем тексте, могут получить в нём дополнительный смысл. Представляется, что наиболее ярко это проявляется в текстах дневников, поскольку именно здесь языковая личность не ограничена в средствах самовыражения и способна активно коммуницировать со своими

социальными, психологическими, научными, общекультурными, возрастными и прочими оппонентами [1]. Таким образом, **объектом статьи** выступают интертекстуальные вкрапления в текстах дневниковых записей на **предмет** выявления способности их функционирования в качестве инструмента передачи эмотивного состояния пишущего.

Отметим, что проблема вербализации эмоций в тексте приобретает всё большую **актуальность**, поскольку представляет собой основной способ коммуницирования смыслов и, следовательно, содержательно-концептуальной информации (в терминологии И.Р. Гальперина [2]). Среди исследований по данному вопросу можем выделить работы Д. Гоулмана «Эмоциональный интеллект» (2009) [3], Е.В. Копаевой «Эмотивные средства языка как способ вербализации критического отношения к действительности (на материале англоязычных текстов жанра эссе)» (2012) [5], Н.В. Константиновой «Взаимосвязь категорий интертекстуальности и эмотивности в текстах Дж.М. Кутзее» (2012) [4], О.Е. Филимоновой «Репрезентация категории эмотивности в сонетах Шекспира» (2015) [10], В.И. Шаховского «Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации» (2004) [12]. Однако работ по исследованию именно интертекстуальных вкраплений в аспекте их участия в отражении авторских эмоций обнаружено не было, в связи с чем усматриваем в этом **научную новизну** представленной работы.

Цель статьи – проследить особенности вербализации эмотивного состояния языковой личности при пере-

ключении на французский язык.

Основным методом исследования является дискурсный анализ, характеризующийся функционально-деятельностным и антропологическим подходами и учитывающий экстралингвистические факторы.

Порядок исследования подразумевает: 1) идентификацию общего отношения Л.Н. Толстого к французскому языку и культуре; 2) лексико-стилистическое изучение функциональности французских интертекстуальных вкраплений от отдельных слов до целых предложений; 3) выделение уникальных средств передачи эмотивного модуса языковой личности и их участие в донесении содержательно-концептуальной информации с активным привлечением экстралингвистического метода исследования.

Обращение к изучению французских интертекстуальных вкраплений весьма неслучайно. Статистические данные изучения дневникового наследия Л.Н. Толстого показывают их высокую плотность. Причин для этого, как мы полагаем, несколько. Во-первых, общеизвестно, что в XVIII и XIX вв. в Европе лидировала Франция как признанный центр науки и культуры. Во-вторых, французский служил языком интернационального общения: на нём издавались многочисленные журналы, велись переговоры, заключались контракты и фиксировалась международная документация. В-третьих, знание французского языка и умение рассуждать на нём служили признаком аристократичности и образованности. В-четвёртых, всему французскому приписывались дополнительная изысканность, яркая экспрессия и ассоциативная образность.

Не смотря на подобное положительное общепринятое мнение широкого круга пользователей французского языка и значимость данного языка как лингва франка в XIX в., Л.Н. Толстой, отражая своё отношение ко всему французскому, пишет: «... французский слог мне не нравится. Мне со дня на день становится труднее объясняться и писать по-французски, надо же эту глупую манеру писать и говорить на языке, который плохо знаешь! А сколько хлопот, потерянного времени, неясности в мыслях и нечистоты в природном языке из-за этой манеры, а необходимо!» [8, с. 135].

Лексические единицы, вербализующие негативное отношение пишущего, составляют целое лексико-семантическое поле: *не нравится, труднее, глупая манера, плохо знаешь, хлопоты, необходимо*. Отметим, что сюда входят и глаголы с отрицательной частицей, и имена существительные, и прилагательные в сравнительной степени, и модальные слова, поддержанные восклицательным знаком. Высокая плотность метафоричности приведённого отрывка (*потерянное время, неясность в мыслях, нечистота в языке, природность*) также способствует передаче повышенной экспрессии. С позиций морфологии указанная фраза богата отрицательными префиксами; да и в целом повторение буквосочетания «не» составляет 10 единиц, чем усиливается негативный эффект воздействия на реципиента.

Примечательно, что писатель противопоставляет два неотрывных друг от друга процесса – *говорить* (на родном языке) и *объясняться* (на иностранном языке). Всю жизнь стремясь к чёткости мысли, предельной ясности

изложения, Л.Н. Толстой испытывал сложность в подборе полного эквивалента русским словам, поскольку ассоциативно-коннотативная нагрузка варваризмов накладывает тяжёлый отпечаток на взаимопонимание.

С точки зрения экстралингвистического анализа следует отметить, что данная выдержка относится к 1854 г., когда Л.Н. Толстой не был ещё признанным литератором. Можем предположить, что, находясь на военной службе, Л.Н. Толстой аккумулирует мощный заряд патриотизма, уважения ко всему русскому, национальному; в то время как к французскому языку Л.Н. Толстой прибегал как к некой маске, ширме для сокрытия истинности. Складывается впечатление, что, переключаясь на иные лингвистические системы, Л.Н. Толстой переходит на «мнение большинства», с которым постоянно полемизировал, которому пытался привить свои идеалы и таким образом качественно изменить мир в лучшую сторону.

Исследование дневникового дискурса Л.Н. Толстого позволяет сделать вывод, что подобные переключения носили как локальный характер, выражаясь отдельным словом или словосочетанием, так и масштабный, занимая целое предложение или сверхфразовое единство. Представляется, что для изучения подобного рода текстов возникает необходимость введения термина *гетерогенность* (терминология В.Е. Чернявской [11]), под которой понимается поликодовый характер текста, его способность совмещать данные нескольких лингвистических систем. Приведём примеры.

*Но где же место Ауэрбаха? **Intermediare** между народом и образованным*

классом [8, с. 241]. В представленной выдержке в вопросительной форме автор дневникового дискурса формирует диалог как со своими оппонентами-читателями, так и с особой гранью собственной языковой личности, неким двойником образа автора, способным брать на себя неловкости и сарказм авторской позиции. Отметим иронический характер выдержки. Немецкий писатель и поэт еврейского происхождения Ауэрбах (1812–1882) оценивается с позиций французского языка как *Intermediare*, что можно перевести не только как *срединный, занимающий промежуточное положение*, но и как *посредственный, ничем не примечательный, неоригинальный*. Как видим, происходит игра слов, каламбур, гиперсемантизация, несколько оскорбительная для характеристики выдающегося мыслителя, философа и религиозного деятеля XIX в.

С точки зрения синтаксиса ещё одним элементом языковой игры выступает пограничное положение личности Ауэрбаха между народом и образованным классом (курсив наш – Е.П.). Противопоставление неграмотной рабоче-крестьянской массы начитанной аристократии было весьма оправданно. С исторической точки зрения в 1860 г. назревал кризис относительно вопроса освобождения крестьян. В это время основная часть населения не просто не имела образования, но и всячески стремилась его избежать в виду нехватки рабочих рук и необходимости работы на полях. Страна была аграрной. Отметим использование Л.Н. Толстым перифразы образованный класс, что на подтекстовом уровне также может служить способом выражения авторской позиции.

Л.Н. Толстой, будучи сам дворянского происхождения, потомком выдающихся государственных деятелей и вельмож, отрёкся от дворянских устоев, ценностей, философии жизни, приняв и окультивировав некий образ социализма на своих землях. Документально известно его предложение царю Николаю II по поводу освобождения крестьян от крепостной зависимости, их образованию и медицинскому обслуживанию. И в вот этой лакуне между низами и верхами общества отведено место Ауэрбаху.

Приведём пример употребления французского словосочетания для передачи авторского эмотивного состояния: *Одно средство жить – работать. Чтобы работать, надо любить работу. Чтобы любить работу, надо, чтобы работа была увлекательна. Чтобы работа была увлекательна, надо чтобы она была до половины сделана и хорошо. Cercle vicieux; но что же делать* [8, с. 243].

Представленная выдержка репрезентирует стилистический приём цепного повтора, где конечная лексическая единица одной фразы становится иницирующей в последующей, образуя кольцо: *жить = работать = любить = жить*. Л.Н. Толстой называет этот цикл *vicieux*, что в переводе может означать *порочный / волшебный / заколдованный*. Переход на французский создаёт косвенную оноματοпею, делая само звучание фразы более загадочным, недоступным пониманию широкого круга читателей, ограничивая последних и наделяя могуществом избранных. Более того, подобный ассоциативный ряд передаёт эмотивность – неизбежность, смирение перед данностью, подчинение закону жиз-

ни. Фразеологизм «порочный круг» в Толковом фразеологическом словаре представляет собой иносказание – взаимно противоречащие, мешающие друг другу условия [6].

Рассмотрим возможности передачи авторского эмотивного модуса на примере целого предложения: *Пускай идёт вперёд высший круг, и народ не отстанет; он сольется с высшим кругом, но он же подвинется. Pourquoi dire des subtilites, quand il y a encore tant de grosses verities a dire. Искали философальный камень, нашли много химических соединений* [8, с. 60].

Приведённое интертекстуальное вкрапление дословно переводится как «к чему говорить о мелочах, когда ещё остаётся сказать о многих важных истинах», метафорически переданном в последующем тексте Л.Н. Толстого как «искали философальный камень, нашли много химических соединений». На основании цепочек однородных членов предложения проведём аналогии: философальный камень – истина – verites, химические соединения – мелочи – subtilites, говорить – сказать, искали – нашли, общее – частное, процесс – результат, важное – нестоящее. Так – иносказательно, Л.Н. Толстой перефразирует многие заимствования из чужих текстов. Подобное дублирование не оставляет данного дискретного отрезка незамеченным и подчёркивает его исключительную важность. В этом плане французский язык убедительно передаёт указанные смыслы: прилагательное grosses переводится как суровый, всеобъемлющий, грубый, неприятный, оскорбительный, завершённый и т. д.; subtilites – не просто мелочи, но хитросплетения, тонкости, премудрости, ухищрения, тонкости чутья

[7]. Французский вариант содержит только инфинитивные формы глаголов, в то время как переводной текст содержит глаголы 1-го лица множественного числа настоящего времени, способные объединять не только автора дневника с читателем, но и разные лингвокультуры воедино. Как видим, русский вариант не столь щепетилен в плане формирования подтекста, коннотаций и ассоциаций, но более абстрактен и метафоричен. Упрощённое, метафорическое, бытовое легче репрезентирует, поясняет, сводит абстрактное, сложное к доступному пониманию широким кругам реципиентов.

Устаревшая форма слова философальный не ускользает от взгляда лингвиста. Методом словарных дефиниций устанавливаем: lapis philosophorum (лат.), именуемый также магистерий, ребис, эликсир философов, жизненный эликсир, красная тинктура, великий эликсир, пятый элемент, в легендах средневековых алхимиков – некий реактив, необходимый для успешного осуществления превращения металлов в золото, а также для создания эликсира жизни [9]. Как видим, Л.Н. Толстой находит множественные рычаги переключения с одного тематического континуума на другой, с одной исторической эпохи – на другую, выстраивает мосты, объединяя людей, донося многие концептуальные смыслы и эмоции.

Ещё одним примером интердискурсивности, способной передавать авторскую эмотивность, может служить употреблённое им словосочетание «Высший круг», под которым Л.Н. Толстой понимал не просто аристократию – «толпу, облачённую властью», но людей, продвинутых во всех отношениях

– научном, моральном, нравственном. Отметим, что Л.Н. Толстой часто обращается к понятию *круг*, точнее, его символическому значению. Ранее мы уже рассматривали феномен словосочетания «порочный круг».

Позволим себе привести несколько из возможных объяснений этого феномена: 1) Круг – символ бесконечности, идеального абсолюта и совершенства. Круг представляет собой бесконечную линию, замыкая время и пространство. Самые древние места поклонения имели форму круга: костры, алтари, жертвенные камни. 2) Круг – целостность, изначальное совершенство. Круг считается наиболее естественным, священным состоянием, наполненным самостью, вечностью, бесконечной мудростью. 3) Круг – время и его отсутствие, материя без начала и конца, без верха и низа. 4) Солнечные циклы, небесное единство, движение, динамика. 5) Символ вод, женственности, материнства, животворящей силы. Противопоставление мужской созидательной силе, силе Солнца. 6) Круг с точкой внутри – циркумпункт – символ полного цикла, возобновляющегося совершенства. 7) Астрология: круг – символ Солнца, алхимия: круг – символ золота. 8) Круг – символ луны и небес. 9) Круг – древнейший мистический символ, обозначающий небо, вечность, вселенную. Внутри круга нередко вписывают другие простейшие фигуры – квадрат, крест, равносторонний треугольник, пентаграмму. В таком случае вписанный символ повествует своё значение, в то время как круг обозначает вечность. Таков, к примеру, мистический смысл древней задачи о «квадратуре круга»: решив её, адепт постигает равнозначность Зем-

ли и Неба, Пространства и Времени, Человека и Вселенной [6].

Как было заявлено в алгоритме исследования, следующим шагом изучения способности интертекстуальных вкраплений участвовать в донесении авторской эмоциональной оставляющей, а вместе с тем и концептуальных смыслов является обращение к примерам на высшем синтаксическом уровне – уровне сверхфразового единства: *Et puis cette horrible necessite de traduire par des mots et aligner en pattes de mouches des pensees ardentes, vives, mobiles, comme des rayons de soleil teignant les nuages de l'air. Ou fuir le metier, Grand Dieu!* [8, с. 62].

Приведенное высказывание – прямая цитация романа Ж. Санд «Орас». Л.Н. Толстой приводит выдержку полностью и не обозначает источника заимствования, что, на наш взгляд, небесцельно. Отсутствие данной информации – тоже информация, и умолчание это весьма красноречиво повествует о том, что автор полностью разделяет приведённое суждение, отражающее его личные метания в поисках смысла жизни.

В понимании Толстого, его предназначение содержится в «ужасной необходимости выражать в словах и выводить каракулями горячие, живые и подвижные мысли, подобные лучам солнца, озаряющие воздушные облака. Куда бежать от ремесла, Великий Боже!» (перевод А.И. Шифман). Л.Н. Толстой тонко подмечает, что писателю приходится своим творчеством *переводить* с языка мыслей на человеческий, т. е. служить посредником, передаточным звеном, «секретарём Бога», записывая и отправляя Его послания окружающим. В этом процессе также прослеживается интертекстуальность. Тру-

доёмкость подобного занятия автор передаёт модальным словом *necessite* с интенсификаторами в виде указательного местоимения *cette* и экспрессивным прилагательным *horrible*. Можем заключить, что занятие перевода не доставляет ему особой радости в виду сложности и повышенной ответственности. Но сам объект его деятельности – напротив, восхищает и умиляет: *pensees ardentes, vives, mobiles, comme des rayons de soleil*. Толстой уподобляет мысли живым, ярким, активным существам, горячим и всепроникающим, как лучи солнца. Именно это обстоятельство останавливает пишущего от бегства с указанного поста. Следовательно, даже метание и поиск невозможного могут приносить радость бытия и радость служения, радость от востребованности и способностей осуществления божественного плана.

Всего в дневниках насчитывается более 80 подобных интертекстуальных отрезков разной длины, что составляет наибольшее число от всех иноязычных вкраплений. Обращение к средствам французского языка продолжается во все периоды жизнедеятельности Толстого, что подчёркивает значимость французских интертекстуальных вкраплений в его творчестве.

В результате проведённого исследования можем заключить, что к эмоциональной функциональной нагрузке французских интертекстуальных вкраплений относятся: 1) передача «мнения большинства», с которым Л.Н. Толстой постоянно полемизировал, которому пытался привить свои идеалы и изменить мир в лучшую сторону; 2) усиление ассоциативно-коннотативной нагрузки за счёт процессов каламбура и гиперсемантизации; 3) создание

косвенной ономотопеи, делающей звучание фразы более загадочным, недоступным пониманию широкого круга читателей, ограничивая последних и наделяя могуществом избранных; 4) дублирование французских интертекстуальных вкраплений русскими переводами и перифразами не оставляет эти дискретные отрезки незамеченными и подчёркивает его исключительную важность для понимания текста в целом; 5) множественные рычаги переключения с одного тематического континуума на другой, с одной исторической эпохи – на другую; выстраивание мостов, служащих объединению людей, аккумулируя разрозненные теории в единые концептуальные смыслы; 6) повышение символичности текстов; 7) отражение согласия / несогласия автора с цитируемым текстом.

Основным выводом проводимой работы считаем следующее: французские интертекстуальные вкрапления создают семантико-синтаксическую гибридность текста, т. е. способность не просто включать нескольких сменных субъектов речи, но производить осязаемое воздействие на реципиента как на уровне формы, так и на уровне содержания. Отметим, что, несмотря на повышенную функциональность и частотность употребления, отрезки со сменным субъектом речи в основном носят негативный характер. Л.Н. Толстой, скрываясь под красивым слогом французского языка, вербализует нелицеприятную истину, ограничивая её понимание кругом избранных, могущих правильно истолковать доносимую содержательно-концептуальную информацию.

Статья поступила в редакцию 19.01.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Булдакова Ю.В. Особенности автометаописания в дневниковом дискурсе «Незамеченного поколения» (Дневник Б.Ю. Поплавского) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. С. 154–158.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 144 с.
3. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект / пер. с англ. А.П. Исаевой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2009. 478 с.
4. Константинова Н.В. Взаимосвязь категорий интертекстуальности и эмотивности в текстах Дж. М. Кутзее // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 114. С. 212–216.
5. Копеева Е.В. Эмотивные средства языка как способ вербализации критического отношения к действительности (на материале англоязычных текстов жанра эссе) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 17 (650). С. 108–130.
6. Порочный круг [Электронный ресурс] // Энциклопедии & Словари: [сайт]. URL: <http://enc-dic.com/word/p/Porochn-krug-8793.html> (дата обращения: 20.07.2017).
7. Subtilite [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике: [сайт]. URL: <http://translate.academic.ru/Subtilite/fr/ru> (дата обращения: 21.07.2017).
8. Толстой Л.Н. Дневники 1895–1910 гг. // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 20 т. / под ред. Н.К. Гудзия. Т. 19. М.: Художественная литература, 1965. 670 с.
9. Философский камень [Электронный ресурс] // Википедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Философский_камень (дата обращения: 20.07.2017).
10. Филимонова О.Е. Репрезентация категории эмотивности в сонетах Шекспира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 52–59.
11. Черняевская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учебное пособие. 3-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2015. 208 с.
12. Шаховский В.И. Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности: сборник научных трудов. Волгоград: Центр, 2004. С. 147–168.

REFERENCES

1. Buldakova Yu.V. [Features of auto-description in the diary discourse of “The Unnoticed generation” (Diary B.Yu. Poplavsky)]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University], 2008, pp. 154–158.
2. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya*. [Text as the object of linguistic research]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 144 p.
3. Goulman D. *Emotsional'nyi intellekt* [Emotional intelligence]. Moscow, AST Moscow Publ.; Vladimir, VKT Publ., 2009. 478 p.
4. Konstantinova N.V. [The relationship of the categories of intertextuality and emotiveness in the texts of John. M. Coetzee]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena* [Bulletin: Herzen University Journal of Humanities & Science], 2009, no. 114, pp. 212–216.
5. Kopeeva E.V. [Emotive language facilities as a way of verbalization of a critical attitude towards reality (based on English texts essay genre)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [MSLU Bulletin: the Humanities], 2012, no. 17(650), pp. 108–130.

6. [Vicious cycle]. In: *Entsiklopedii & Slovarei* [Encyclopedias & Dictionaries]. Available at: <http://enc-dic.com/word/p/Porochn-krug-8793.html> (accessed: 20.07.2017).
7. [Subtilite]. In: *Slovarei i entsiklopedii na Akademike* [Dictionaries and encyclopedias on the Academic]. Available at: <http://translate.academic.ru/Subtilite/fr/ru/> (accessed: 21.07.2017).
8. Tolstoi L.N. [Diaries 1895–1910]. In: *Sobranie sochinenii v 20 tomakh* [Collected works in 20 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1965. Vol 19. 670 p.
9. [Philosopher's Stone]. In: *Vikipediya* [Wikipedia]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Философский_камень (accessed: 20.07.2017).
10. Filimonova O.E. [Representation of the emotive category in Shakespeare]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series Linguistics], 2015, no. 1, pp. 52–59.
11. Chernyaevskaya V.E. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Text linguistics. Linguistics of discourse]. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2015. 208 p.
12. Shakhovskii V.I. [Emotional-semantic dominant of the natural and artistic communication]. In: *Yazyk i emotsii: lichnostnye smysly i dominanty v rechevoi deyatelnosti. Sbornik nauchnykh trudov* [Language and emotion: personal meanings and dominant in speech activities. Collection of scientific papers]. Volgograd, Tsentr Publ., 2004. pp. 147–168.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пугачева Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: elenapetrishina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Yu. Pugacheva – PhD in Philological sciences, associate professor at the Department of English Philology, Moscow Region State University;
e-mail: elenapetrishina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пугачева Е.Ю. Эмотивный модус французских интертекстуальных вкраплений в дневниковом дискурсе Л.Н. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 2. С. 181–189.
DOI: 10.18384/2310-712X-2018-2-181-189

FOR CITATION

Pugacheva E.Yu. The emotive modus of French intertextual inclusions in the diary heritage of L.N. Tolstoy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2018, no. 2, pp. 181–189.
DOI: 10.18384/2310-712X-2018-2-181-189